

грамадскасцю” [4, с. 85]. За 23 гады змяняліся прыярытэты, актуалізаваліся новыя напрамкі бібліятэчна-інфармацыйнай дзейнасці, відазмяняліся структура часопіса, тэматыка публікацый, напаўненне рубрык. Аднак нязменнымі застаюцца асноўныя вектары рэдакцыйнай палітыкі, скіраваныя на метадалагізацыю бібліятэчных ведаў, іх канцэнтрацыю, актыўнае абмеркаванне надзённых пытанняў бібліятэказнаўства.

Часопіс “Бібліятэчны свет” быў і застаецца той інтэлектуальнай пляцоўкай, на прасторы якой шліфуецца інавацыйны вопыт працы, паслядоўна фарміруецца пазытыўны імідж бібліятэкі. Лексічныя адзінкі, што вербалізуюць вобраз бібліятэкі, адлюстроўваюць сутнасныя фрагменты нацыянальнай культуры.

Літаратура

1. Алейнік, Г. Нацыянальная бібліятэка Беларусі як носьбіт культурнай спадчыны / Г. Алейнік // Бібліятэчны свет. – 2002. – № 3. – С. 5–8.
2. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Флинта, 2009. – 214 с.
3. Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 173 с.
4. Берёзкина, Н.Ю. Историко-тематический анализ содержания журнала «Бібліятэчны свет» (1996–2016) / Н.Ю. Берёзкина // Бібліятэчны веснік: навук. зб. / Нац. бібл-ка Беларусі. – Мінск, 2017. – Вып. 9. – С. 84–91.
5. Бібліятэчны свет. – 1996. – № 1. – С. 9.
6. Васильев, Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1991. – № 5. – С. 105–113.
7. Мотульский, Р.С. Библиотека как социальный институт / Р.С. Мотульский. – Минск: Бел. гос. ун-т культуры, 2002. – 374 с.

В.М. Генкин (Витебск)

СЛОВАРЬ Г.Г. ТРУСМАНА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВИТЕБСКОЙ ТОПОНИМИИ

Конец XIX столетия ознаменовался выходом в свет нескольких работ, посвященных региональной топонимии, в том числе и витебской. Среди них следует выделить три:

1) «Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия» (1888 г., автор Иван (Янис) Яковлевич Спрогис, историк, археограф, этнограф и биограф) [1];

2) большую статью исследователя истории, археологии и языка Александра Александровича Кочубинского «Территория доисторической Литвы», опубликованную в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1897 год [2];

3) словарь Г.Г. Трусмана «Этимология местных названий Витебской губернии» [3].

Предметом нашего непосредственного внимания будет последний из перечисленных трудов. Он представляет особый интерес по нескольким причинам. Во-первых, автор, что явствует уже из названия, ориентируется на исследование сугубо местного (витебского) топонимного материала; во-вторых, Г.Г. Трусман одним из первых ставит задачу комплексно охарактеризовать этимологию топонимов, имеющих неславянское («нерусское») происхождение. В-третьих, отсутствие полноценного лексикографического источника, комплексно представляющего информацию по топонимии региона и включающего этимологические сведения, вынуждает исследователей обращаться к разным источникам. В этом смысле нужна современная научная оценка подобных источников, которая позволила бы определить степень актуальности отраженной в них информации.

Энциклопедические и интернет-источники [4] сообщают об авторе этого исследования, что Георгий Георгиевич (в русифицированном варианте Юрий Юрьевич) Трусман являлся уроженцем Лифляндской губернии и происходил из крестьянской эстонской семьи. После окончания Санкт-Петербургской духовной семинарии защитил диссертацию на степень магистра богословия, служил цензором в Ревеле. Ему принадлежит несколько научных трудов по истории и фольклору эстонского народа, а также исследования по топонимике (наряду с вышеуказанным словарем написал также схожие лексикографические работы «Этимология местных названий Псковского уезда» [5] и «Чудско-литовские элементы в Новгородских пятинах» [6]). Биографические сведения оказываются важными для понимания авторской позиции как в отборе (подаче) материала, так и в толковании происхождения топонимов. Г.Г. Трусман уже в предисловии оговаривает, что «предлежащий труд содержит в себе *нерусские* (выделено нами – В. Г.) названия населенных мест Витебской губернии», хотя, очевидно, далеко не все из более чем 7600 топонимных единиц, кропотливо собранных автором, однозначно имеют неславянское происхождение (о характере отобранного материала речь пойдет ниже).

Отметим, что национальные, «неславянские» приоритеты автора в понимании материала, в его «прочтении» и комментировании sporadически прослеживаются в работах Г.Г. Трусмана. Например, комментируя название *Аниверы*, он пишет: «Звучит вполне *по-эстонски* (выделено нами – В. Г.) *Aniwere* (эст. *ani*, *hani* [у латышей кличка гусей *an*, *ani*] – гусь и *weer* – край, сторона)» [3, с. 5].

Тем не менее, подобный способ восприятия, по нашему мнению, нельзя считать абсолютно научно неприемлемым или слишком тенденциозным даже с современных позиций. Как известно, значительная часть топонимов Витебщины имеет балтийские корни, содержит адаптированные субстратные лексемы, а значит, их «прочтение» через призму балтийских языков может быть вполне продуктивным, и особенно в тех случаях, когда мы до сих пор не выработали единой точки зрения на

этимологию топонима. Проиллюстрируем следующим примером. Происхождение названия *Браслав* объясняется двояко. Согласно одной точке зрения, исторически восходящей к двум летописям («Хроника Быховца» называет это поселение *Браславлем*; в Хронике М. Стрыйковского отражен современный вариант названия города, записанный латиницей), астионим имеет отантропонимное происхождение и восходит к имени конкретного исторического лица – Брячислава Изяславича, князя Полоцкого в 1003–1044 гг. Другая точка зрения (она, в частности, отражена в «Кратком топонимическом словаре Белоруссии» В.А. Жучкевича) увязывает происхождение топонима с балтийским словом *brastà* ‘брод’ [7]. У Г.Г. Трусмана находим толкование двух топонимов, очевидно родственных названию *Браслав* – *Браслово*. Автор увязывает их происхождение с латышской лексемой *braslis* – ‘брод’. Попутно заметим, что мы вполне разделяем данную точку зрения. Браслав расположен между несколькими водоемами: на юго-западе города находится одно из крупнейших озер *Дривяты* (самое крупное из Браславских озер и пятое по величине на территории современной Беларуси), на северо-западе – озеро *Береже*, на востоке и северо-востоке – озера *Войсо* и *Недрово*.

Анализируя работу Г.Г. Трусмана и, в частности, включенный в нее топонимный материал, нужно отметить, что границы современной Витебской области и Витебской губернии конца XIX столетия существенно отличались. Формирование новых единиц административно-территориального деления в рамках Российской Империи, как известно, началось в 1772 году после 1-го раздела Речи Посполитой. В 1802 году по указу Сената тогдашняя Белорусская губерния была разделена на две новые: Витебскую и Могилевскую. В таком виде они просуществовали до Октябрьской революции 1917 г.

Источниками сбора материала Г.Г. Трусман называет Писцовые книги XVI века, Список населенных пунктов Витебской губернии и Карту Генерального штаба, из чего несложно предположить, что автор ориентировался на уже имевшие почти столетнюю историю границы, которые по сравнению с современными очертаниями области были значительно смещены на северо-запад. Большая часть современного юго-запада Латвии входила в качестве уездов в состав Витебской губернии, что естественным образом увеличивало количество «нерусских» названий региона, особенно на латвийских территориях.

На тот момент губерния состояла из двенадцати уездов: Велижского, Витебского, Городокского, Двинского (Динабургского), Дриссенского, Лепельского, Люцинского, Невельского, Полоцкого, Режицкого, Себежского и Суражского, три из которых сегодня относятся к Латвии: Двинский (Динабургский) – центр Динабург (Двинск, Даугавпилс); Люцинский – центр Люцин (Лудза) и Режицкий – центр Режица (Резекне). Обратим внимание на одно несоответствие. В предисловии к «Этимологии

местных названий Витебской губернии» перечислены сокращения названий уездов, но их число не совпадает с официальным. У Г.Г. Трусмана не указан Суражский уезд, что, вероятно, является результатом опечатки: в основном тексте работы неоднократно встречаем сокращение *Ср.*, которое явно следует понимать как *Суражский уезд*. Кроме того, интерес исследователя, несомненно, вызовут отличия в названиях двух из уездов: *Городецкiй, Лепльскiй*. Второй адъективом, вероятно, был образован на базе одного из вариантов названия города *Лепеля – Лепля*.

Нужно отметить, что словник «Этимологии местных названий Витебской губернии» имеет удобное для поиска алфавитное построение. Одноименные топонимы рассматриваются в одной словарной статье. Неоднократно встречаются отсылки к статьям, посвященным однокоренным названиям.

Вполне естественно, что работа, создававшаяся в эпоху, которая в ономастике иногда называется «донаучным периодом», не может претендовать на полное, всестороннее, соответствующее современному научному пониманию толкование ономастических явлений. Встречаются в словаре и ошибочные с нашей точки зрения объяснения. Например, в словарной статье, посвященной комониму *Азарково*, приводятся следующие параллели: «...прусс. *assara*, лит. *ezeras*, др.-р. *ezero* = озеро, пруд» [3, с. 3], название *Андрюки* объясняется через литовское слово *antrukas* 'второй настой с варки' [3, с. 5], топоним *Захарчино* возводится не к антропониму *Захар*, а к слову *харч* [3, с. 111]. Тем не менее, многие из предложенных автором словаря этимологических объяснений не утратили своей актуальности до сих пор и вполне могут быть использованы в научном обороте, даже в случае их небесспорности.

Как уже ранее отмечалось, возникают определенные вопросы к объему и характеру топонимного материала, включенного в словарь, ориентированный на объяснение названий неславянского происхождения. Исходя из современного взгляда на проблемы происхождения географических названий, мы можем говорить о наличии в анализируемой работе не одного, а нескольких этимологических типов топонимов. Это:

1) названия сугубо неславянского происхождения (можно утверждать, что действительно большинство этимологизируемых географических названий относится к неславянской лексике: *Айзельклешне, Балбаржи, Вурпули, Зверкит* и др.);

2) названия, сформированные на базе белорусских и русских апеллятивов с иноязычными корнями или аффиксами: *Казарино, Кантники, Чабаны* и др. Часть таких примеров можно объяснить тем фактом, что автор словаря по понятным причинам не мог использовать продуктивный для этимологизации топонимов формантный подход, хотя элементы формантного анализа в работе уже присутствуют: например,

топоним *Ивананы* объясняется следующим образом: «... от слова *Иван* с латыш. патрон. суффиксом *-ani*» [3, с. 117];

3) топонимы, которые следует считать восточнославянскими, также неоднократно встречаются в словаре: *Бель, Бондари, Затишь, Жбаны* и др. Правда, Г.Г. Трусман дает им часто вполне верное толкование. Проиллюстрируем фрагментом статьи, посвященной названию *Застенки* «... местн. Упоминается очень часто; бр. застенок – прибавочная полоса в поле, отделенная дорожкой, называется стена...» [3, с. 111].

Литература

1. Спрогис, И.Я. Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия, составленный по 40 актовым книгам Россиенского земского суда / И.Я. Спрогис. – Вильна: Типография И.Я. Яловцера, 1888. – 316 с.
2. Кочубинский А.А. Территория доисторической Литвы / А.А. Кочубинский // Журнал Министрства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Часть СССІХ. – 1897. – С. 60–94.
3. Этимология местных названий Витебской губернии. Труд Ю.Ю. Трусмана. – Ревель: Типография Г. Матизена, 1897. – 352 с.
4. <http://pskoviana.ru>. – Дата доступа – 30.09.2019.
5. Этимология местных названий Псковского уезда. Труд Ю.Ю. Трусмана. – Ревель: Типография Г. Матизена, 1897. – 95 с.
6. Чудско-литовские элементы в Новгородских пятинах. Часть I. Пятины Вольская, Деревская и Шелонская. Труд Ю.Ю. Трусмана. – Ревель: Типография Г. Матизена, 1898. – 376 с.
7. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1974. – С. 35.

Е.Н. Горегляд (Витебск)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ В БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Одним из важнейших социальных действий, которые характеризуют личность, является речевое поведение. Любая наша деятельность при всей ее многомерности невозможна без речемыслительных процессов, а коллективный характер всякой деятельности человека обуславливает значимость речи как основного средства общения.

Основной языковой категорией, маркирующей процесс речи, являются вербальные лексемы и образованные от них субстантивы. Значительная часть таких лексем нейтрально характеризуют речевое действие, просто констатируя его факт, другие имплицитно характеризуют качественную характеристику речевого процесса, кодируя эмоциональную составляющую. Но оформлять речевой акт могут не только непосредственно отдельные лексемы, но и устойчивые сочетания.